

Всю зиму лётчики летали над белой землёй. Но вот наступила весна, вылезли из почек листья, потянулись к солнцу травинки, и вся земля стала зелёной. Было непривычно и радостно смотреть сверху на такую красоту.

Весеннее небо заполнилось стаями птиц. Лебеди, журавли, гуси шли в треугольном строю. А маленькие птицы летели в беспорядке, поближе друг к другу, часто взмахивая крылышками.

Все торопились с юга на север, к родным рощам, болотцам, луговинкам.

Дороги птичьих стай пересекались в небе с дорогами самолётов. В одно утро капитан Блинов чуть не врезался на своём штурмовике в стаю скворцов. Каким-то чудом он успел взмыть над пичугами и не причинил им вреда, уберёг от удара крыльями и пропеллером.

Блинов издали бы заметил птиц, если бы не был сильно расстроен. Десятью минутами раньше увидел он с самолёта женщин в поле. Четыре женщины тащили на себе плуг, впряглись в него вместо лошадей. А подросток-мальчик держал плуг за ручки. За пахарями тянулась тонкая, как нитка, борозда...

Жалея женщин на горькой пашне, капитан жалел и птиц. «Как же напугались скворцы-бедняги! — размышлял он. — Как им трудно! И холод, и ветер, и дожди случались в дороге. А тут ещё война. Не одну сотню километров пролетели птицы над фронтом, слышали взрывы, видели вспышки огня. Надеются скворцы долететь до своих скворечников, отдохнуть. А целы ли скворечники? Скорей всего, сгорели вместе с домами и деревенскими вёслами».

Так вот, думая о горе людей и птиц, капитан Блинов пересек линию фронта. Он углубился в немецкий тыл, на малой высоте подлетел, как подкрался, к шоссе, по которой шло подкрепление фашистам, и ударил бомбами в танки и автомобили. Потом он развернулся и напал на врага снова — выпустил по нему все снаряды, которые были в пушках, и все пули, которые были в пулемётах.



Возвращаясь на аэродром, Блинов опять оглядел поле. Там к первой борозде прибавилась ещё одна. Женщины начинали третью. Впору было посадить самолёт рядом с ними, самому перекинуть через грудь лямку плуга и тащить его, взрывая борозду. А женщины пусть бы клали в землю картофелины или сеяли зерно — делали бы работу, которая по силам человеку.

Но капитану Блинову нельзя было опускаться на поле. Он сел, как полагается, на аэродроме. Техники быстро осмотрели самолёт, залили в баки бензин, подвесили бомбы, заменили пулемётные ленты. Штурмовик снова полетел в бой.

Как и утром, лётчик бомбил и обстреливал врага на шоссе. Только подкрался с другой стороны, откуда его не ждали. На шоссе опять началась паника, вспыхнули грузовики, танки. По самолёту ударили длинными очередями зенитные пулемёты.

Блинов благополучно вышел из зоны обстрела и полетел домой.

Так бывает, если чего-то захочешь очень сильно, желание сбывается — даже самое, казалось бы, несбыточное. А желание у капитана Блинова сейчас было одно: достать лошадь, чтобы запрячь её в плуг... До линии фронта, за которой располагался наш аэродром, оставалось километров пять, как вдруг капитан Блинов увидел кавалерийскую часть неприятеля. Она шла на рысях по широкому лугу, направляясь к недалёкому леску. Не всадников увидел раньше лётчик. Раньше увидел он лошадей, на которых те сидели. Лошади были рослые, сытые. Их спины блестели на солнце, будто покрытые лаком. Впереди скакали гнедые, за ними пегие, потом вороные, потом белые!..

Каждая рота имела лошадей особой масти.

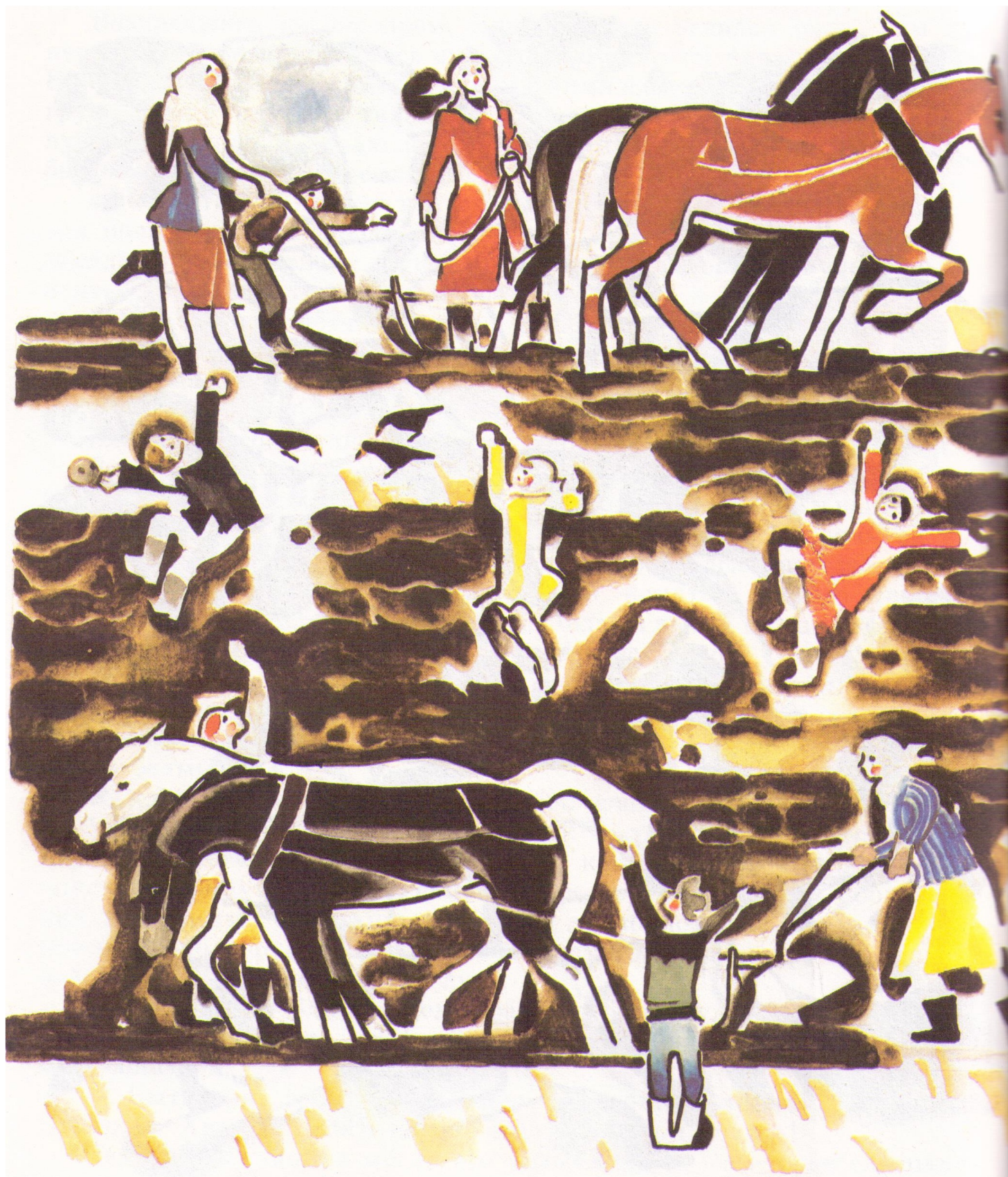
У капитана не было ни снаряда, ни патрона — всё он истратил на шоссе. Лётчик прицелился в конец колонны всем самолётом и, опустившись чуть ли не до самой земли, взревев мотором, пронёсся над всадниками. Ураганным ветром вздыбило конские гривы, с немцев сшибло фуражки. В страхе солдаты бросились прочь с лошадей. А лошади понеслись по лугу.

Когда капитан Блинов сделал разворот и вернулся к месту своего необычного сражения, он увидел, что кавалеристы пытаются поймать лошадей.

— Быть вам, голубчики, теперь пехотой! — закричал капитан Блинов. — Хватит, покатались. Учитесь пешком ходить!

Немцы, конечно, не могли его услышать. Он сам-то не слышал





собственного голоса в рёве мотора. Он кричал от радости, оттого, что всё так здорово получается. Кавалеристы начали стрелять в штурмовик из винтовок. Но лётчик снова — в этот раз как можно тише — спикировал на табун лошадей, направляя его в сторону переднего края, туда, где были немецкие и наши траншеи.

Штурмовик ещё трижды падал с неба на лошадей. Потом Блинов увидел, как дикой неудержимой лавиной табун пронёсся над траншеями, над окопами и укрытиями. Лошадиная атака застала врасплох и немцев и наших. Она длилась короткие минуты, и никто — ни у врага, ни у нас — ничего сразу не понял. Зато капитан Блинов понял, что все лошади теперь наши и пехота, когда лошади успокоятся, без хлопот поймает их.

На аэродроме капитан Блинов доложил командиру о том, как воевал. Потом вынул из планшета листок бумаги и стал писать. Пока техники готовили самолёт к новому вылету, заправляли его бензином, снарядами, патронами, бомбами, он написал вот что:

Многоуважаемая пехота!

Сегодня около 12.00 я перегнал в наше расположение из-за линии фронта коней. Прошу подателям этой записки выдать 10 самых сильных. У них фашисты всё разграбили. Лошадей забрали. Пашут на себе.

С воздушным приветом

капитан Блинов.

Капитану нужно было лететь на штурмовку. Он попросил техника сходить в деревню, где жили те женщины, передать им записку и объяснить, как добраться к пехотинцам. Техник обещал всё сделать.

Прошло несколько дней, и капитан увидел на своём поле пять упряжек лошадей. Лошади широко шагали по чёрной земле, тащили плуги и бороны. В поле было много народу. Ребятишки были там. Все бросили работу, замахали руками, когда штурмовик начал кругами ходить над пашней. Блинову хотелось опуститься пониже, чтобы получше разглядеть, как люди пашут. Но он подумал, что лошади узнают страшный штурмовик, вспомнят, как он гнал их по лугу, опять испугаются, опять побегут. Блинов поднял самолёт выше, покачал крыльями в знак приветия и полетел бомбить фашистов.

Митяев, А.В. Шестой-неполный [текст]: рассказы о Великой Отечественной войне: [6+]/ Анатолий Митяев; рисунки Н. Цейтлина.- Москва: Детская литература, 1987.- 160с.: ил.